

АВТОБИОГРАФИЯ БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

OZZY

ВСЕ, ЧТО МНЕ
УДАЛОСЬ ВСПОМНИТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
ЛЕКСИКУ • 18+

БЕСТСЕЛЛЕР
«НЬЮ-ЙОРК
ТАЙМС»

Оззи Осборн

Оззи. Автобиография без цензуры

Серия «Подарочные издания. Музыка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35479837

*Оззи. Автобиография без цензуры / Оззи Осборн ; [пер. с англ.]: Эксмо;
Москва; 2018*

ISBN 978-5-04-094345-6

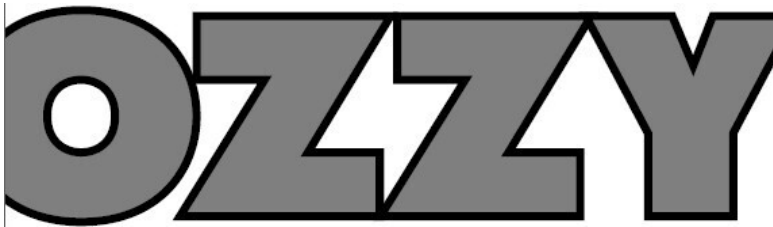
Аннотация

"Они говорили, что я никогда не напишу эту книгу. Ну и черт с ними, потому что вот и книга. Теперь мне остается только что-нибудь вспомнить..."

Для этой книги "великому и ужасному" Оззи Осборну пришлось многое вспомнить: подростковые годы в маленьком промышленном городке в послевоенной Англии, начало музыкальной карьеры (с работы настройщиком автомобильных клаксонов), проступки юности (в том числе криминальные), прорыв на большую сцену и тернистый путь к успеху, которого он совсем не ожидал. Он вспомнил все, что смог, и книга этих воспоминаний получилась невероятно увлекательной, харизматичной, личной и по-настоящему смешной.

Содержание

Часть первая	6
1. Джон-вор	6
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Оззи Осборн

Оззи. Автобиография без цензуры

Я хотел бы посвятить эту книгу всем своим поклонникам. Это благодаря вам я прожил такую удивительную жизнь. Благодарю вас от всего сердца.

Да благословит вас всех Бог.

Оззи

И я не забуду еще одного особенного парня, который так много для меня значил, – мистера Рэнди Родаса, светлая ему память. Я никогда тебя не забуду и надеюсь, что когда-нибудь где-нибудь мы снова встретимся.

Ozzy Osbourne, Chris Ayres
I Am Ozzy

© 2009 by Ozzy Osbourne

Редакция выражает особую благодарность за помощь при создании книги Алексею Певчеву.

© Попова А., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая

В начале...

Они говорили, что я никогда не напишу эту книгу.

Ну и на хер их – потому что вот и книга.

Теперь мне остается только что-нибудь вспомнить...

Твою мать. Я вообще ничего не помню.

Разве что вот это...¹

1. Джон-вор

Мой отец всегда говорил, что однажды я сделаю что-нибудь важное. «У меня есть предчувствие на твой счет, Джон Осборн, – говорил он мне, осушив несколько бутылок пива. – Ты либо сделаешь что-то очень особенное, либо попа-

¹ Воспоминания других людей о событиях в этой книге могут отличаться от моих. Я не собираюсь с ними спорить. За последние сорок лет я принимал алкоголь, кокс, кислоту, метаквалон, клей, микстуру от кашля, героин, флуниотразепам, клоназепам, викадин и много других веществ с длинными названиями, которые не поместятся в этой сноске. Во многих случаях я находился под воздействием сразу нескольких веществ из этого списка. И я не чертова *Британская энциклопедия*, скажем так. То, что вы здесь прочтете, вытекло из желе, которое я называю своим мозгом, когда я спросил его, как прошла моя жизнь. Ни больше ни меньше...

дешь за решетку».

И мой старик оказался прав.

В первый раз я загудел в тюрьму в неполных восемнадцать.

Ограбление – вот за что меня скрутили. Или, как было сказано в протоколе, «кража со взломом имущества общей стоимостью в 25 фунтов». По нынешним деньгам это примерно три сотни фунтов. Прямо скажем, не ограбление века. Я воровал всякое дерьмо. Потом возвращался и проделывал то же самое снова и снова. Однажды мне приглянулся магазин одежды «Sarah Clarke's», который находился недалеко от моего дома в Астоне. Во время первого взлома, схватив несколько вешалок, я подумал, что смогу загнать это барахло в пабе. Но забыл взять с собой фонарик, поэтому оказалось, что я спер детские слюнявчики и ползунки.

С таким же успехом можно было пытаться загонять собачье дерьмо.

Так что я вернулся и на этот раз стащил 24-дюймовый телик. Но он оказался слишком тяжелым и свалился и мне на грудь, когда я перелезал обратно через забор за магазином. Около часа я не мог даже пошевелиться, просто лежал в канаве с крапивой и чувствовал себя полным идиотом. Под наркотой я был как Мистер Магу², это да. В конце концов

² Мистер Магу (англ. – Mr. Magoo) – комедийный персонаж, вечно попадающий в неловкие ситуации и неприятности. Герой множества мультфильмов и одноименного полнометражного фильма 1997 года производства.

мне удалось сбросить с себя телик, но пришлось его там и оставить.

С третьей попытки мне удалось стащить несколько рубашек. И даже пришла в голову блестящая идея надеть перчатки, чтобы работать как настоящий профессионал. Единственная проблема оказалась в том, что у одной перчатки не было большого пальца, так что я оставил идеальные отпечатки по всему магазину. Через несколько дней, когда копы пришли ко мне домой, то обнаружили и перчатки, и кучу барахла. «Перчатка без пальца? – сказал коп, застегивая на мне наручники. – До Эйнштейна совсем немножко не дотянул, да?» Примерно через неделю состоялся суд, на котором мне влепили штраф в сорок фунтов. Это оказалось больше, чем у меня было за всю мою жизнь. Я никак не мог их заплатить, если только не ограбить банк... Или не одолжить у отца. Но мой старик отказался помогать.

«Я честно зарабатываю свои деньги, – сказал он. – С чего бы мне отдавать их тебе? Пусть это станет для тебя гребаным уроком».

– Но, папа...

– Ради твоего же блага, сынок.

Разговор окончен.

Судья приговорил меня к трем месяцам в тюрьме Уинсон Грин за «неуплату штрафов».

Если честно, когда я узнал, что сяду в тюрьму, то от страха чуть не наложил в штаны. Уинсон Грин представляла собой

старую викторианскую тюрьму 1849 года постройки. Работали там отъявленные ублюдки. Даже главный тюремный инспектор страны позднее признавался, что Уинсон Грин – самая жестокая, вонючая, незаконная гребаная дыра из всех, виданных им ранее. Я умолял отца заплатить штраф, но он настаивал на том, что пребывание в тюрьме, возможно, наконец научит меня уму-разуму.

Как и большинство подростков, которые совершают преступления, я просто хотел произвести впечатление на своих дружков. Думал, что круто быть плохим парнем, и старался им быть. Но передумал, как только попал в Уинсон Грин. В комнате приема сердце у меня билось так громко и часто, что я решил, будто оно выскочит из груди прямо на бетонный пол. Охранники вытряхнули всё у меня из карманов, положили в маленький пластиковый пакет – кошелек, ключи, сиги, – и хорошенько посмеялись над моими длинными мягкими каштановыми волосами.

«Ты понравишься парням в блоке Н, – шепнул мне один из них. – Приятного душа, сладкий пирожочек».

Я понятия не имел, что он имеет в виду.

Но очень скоро понял.

Если только ты не мечтал работать на заводе и упыхиваться в ночные смены на сборочной линии, то от юности в Астоне ждать было нечего. Единственные рабочие места были на заводах. А жилые дома разваливались, в них даже не было

сортиров. В Мидлендсе во время войны производили много танков, грузовиков и самолетов, поэтому в Астоне во время «Блица» сосредоточилась промышленность. Когда я был маленьким, на каждом углу были «строительные площадки» – дома, которые немцы сровняли с землей, пытаясь разбомбить оружейный завод Касл Бромвича. Много лет я думал, что так называются детские площадки.

Я родился в 1948 году и вырос в доме номер 14 в середине улицы Лодж-роуд, по обеим сторонам которой стояли дома с террасами. Мой отец Джон Томас Осборн был слесарем-инструментальщиком и работал в ночные смены на заводе компании «Дженерал Электрик» на Уиттон-лейн. Все называли его Джеком – по какой-то причине тогда так называли Джонов. Отец часто рассказывал мне о войне – в начале 1940-х он работал в Кинг Стенли в Глостершире, а немцы каждую ночь бомбили Ковентри, находящийся примерно в пятидесяти милях. Они сбрасывали взрывчатые вещества и парашютные мины, и город горел таким пламенем, что при отсутствии электричества отец мог читать газету. В детстве я по-настоящему не понимал, какой это был ад. Представьте себе: люди ложатся спать и не знают, достоин ли их дом до рассвета..

Кстати, после войны жизнь была не намного легче. Когда отец возвращался утром домой с ночной смены, моя мама Лиллиан шла работать на завод «Лукас». Чертовски изнурительная рутина, и так день за днем. Но они никогда не жало-

вались.

Мама была католичкой, но не особо религиозной. Никто из Осборнов не посещал церковь — правда, какое-то время я ходил в воскресную школу при Церкви Англии, потому что больше не хера было делать, а там на халяву давали чай с печеньем. Но мне это не сильно помогло в жизни — учить по утрам рассказы из Библии и рисовать младенца Иисуса. Не думаю, что викарий гордился бы своим учеником.

Воскресенье было для меня худшим днем недели. Я был ребенком, которому постоянно нужно развлекаться, а с развлечениями в Астоне было не густо. Только серое небо, пабы на углу каждой улицы и не очень здоровые люди, которые, как животные, пахали на сборочных линиях. Но у работяг была своя гордость. Например, они выкладывали фальшивыми камнями стены муниципальных домов, чтобы те выглядели так, будто это гребаный Виндзорский замок. Не хватало только рвов и подъемных мостов. У большинства домов были террасы, как у нашего, и каменная облицовка одного дома заканчивалась как раз там, где начиналась штукатурка на другом. Смотрелось ужасающе.

Я был четвертым ребенком в семье и первым мальчиком. У меня три старших сестры: Джина, Айрис и Джиллиан. Не понимаю, когда мои родители успевали этим заниматься, но вскоре у меня появилось еще два младших брата: Пол и Тони. Так что в доме номер 14 на Лодж-роуд было шестеро детей. Полный дурдом. Как я уже говорил,

В те дни в домах не было унитазов, только ночное ведро у кровати. Джине, как самой старшей, досталась отдельная спальня в пристройке позади дома. Все остальные жили в одной комнате, пока Джина не выросла и не вышла замуж. После этого пристройку заняла Айрис.

Большую часть времени я старался не путаться у сестер под ногами. Они постоянно ссорились друг с другом, как это бывает у девчонок, а я не хотел попасть под перекрестный огонь. Но Джина всегда старалась присматривать за мной, она была как вторая мама. Мы до сих пор говорим по телефону каждое воскресенье, что бы ни случилось.

Честно признаться, не знаю, что бы я делал без Джины, потому что был очень нервным ребенком. Меня все время преследовал страх неминуемой смерти. Я был уверен, что, если наступать на трещины в асфальте по пути домой, то мать умрет. А когда отец спал днем, я начинал волноваться, что он умер, и тыкал его промеж ребер, чтобы убедиться, что старик еще дышит. И поверьте – отец был этим чертовски недоволен. А подобные жуткие мысли постоянно крутились у меня в голове.

Большую часть времени мне было очень страшно.

Мое самое первое воспоминание – именно о том, что мне было страшно. Это было 2 июня 1953 года: День коронации королевы Елизаветы. В то время отцу безумно нравился Эл Джолсон, американский актер и звезда эстрады. Мой старик ходил по дому, пел его песни, читал наизусть комедийные

реплики и при любом удобном случае наряжался в его костюм.

Тогда Эл Джолсон был знаменит в основном своими пародиями на негров. Его выступлениями с зачерненным под негра лицом были настолько неполиткорретными, что в наше время ему бы за это здорово прилетело. Однажды отец попросил тетушку Виолетту сшить нам пару черно-белых костюмов в стиле исполнителей негритянских песен, чтобы мы облачились в них на время празднования коронации. Костюмы были просто потрясающие! Тетушка Виолетта даже достала нам подходящие белые цилиндры и белые бабочки, а еще пару полосатых красно-белых тросточек. Но, когда отец спустился вниз с черным лицом, у меня на хрен снесло башню. Я кричал и плакал: «Что вы с ним сделали? *Верните моего папу!*» – и не затыкался, пока кто-то не объяснил, что папа просто намазался гуталином. Потом меня тоже попытались намазать этой штукой, но я снова взбесился. Я не хотел, чтобы на мне была эта штука, полагая, что она останется навсегда.

– Нет! Нет! Нет! *He-e-e-e-e-e-em!* – кричал я.

– Не будь трусишкой, Джон, – рявкнул отец.

– Нет! Нет! Нет! *He-e-e-e-e-e-em!*

Потом я узнал, что у нас в семье уже были сумасшедшие. Бабушка по папиной линии находилась в пограничном состоянии. Точнее – она реально была долбанутая. Всё время

била меня без причины. Помню, как она шлепала и шлепала меня по бедрам. А еще была мамина младшая сестра, тетя Эдна, которая совершила самоубийство, сиганув в канал. Однажды она вышла из дурки и просто решила утопиться. Бабушка по маминой линии тоже была немного с приветом. У нее на руке была татуировка с инициалами моего деда – А. Ю., значит Артур Юнитт. Я думаю о ней каждый раз, когда вижу по телику одну из этих роскошных телочек с татуировками по всему телу. Выглядит нормально, когда ты молода и свободна, но, поверьте, смотрится не слишком сексуально, когда ты бабушка, укачиваешь внуков на ночь, а у тебя на бицепсе сморщенный кинжал и две облезлые змеи. Но ей было по херу, моей бабуле. Она мне очень нравилась. Она дожила до девяноста девяти лет. Когда я стал слишком много пить, бабушка била меня по заднице свернутой в трубочку газетой «*Mirror*» и говорила: «Ты жиреешь! Хватит пить! Ты воняешь как чертова подставка для кружки!»

А мои родаки были относительно нормальные. Папа был строгим, но он никогда меня не бил и не запирали в угольном чулане – ничего такого. В худшем случае шлепал, если я делал что-то плохое, например, хотел заклеить дедушкину коленку горячей кочергой, пока тот спит. Но зато папа ссорился с матерью, и позднее я узнал, что он ее бил. Однажды мать, по-видимому, даже подала на отца в суд. Я часто слышал, как они кричат и ругаются, но не знал, из-за чего – полагаю, что из-за денег. Поверьте, никто из живущих в ре-

альном мире не говорит постоянно что-то типа «да, дорогая, я понимаю, давай поговорим о наших «чувствах», бла-бла-бла, черт возьми». Те, кто утверждает, что ни разу не сказали грубого слова, живут на другой планете, мать их. И понятие брака в то время было другим. Даже не могу себе представить, каково это было – ты вкалываешь всю ночь, а твоя благоверная работает весь день, но у вас всё равно нет денег.

Он был хорошим парнем, мой старик: простым, старомодным. Он был очень худым и носил толстые очки в черной оправе, как у Ронни Баркера³. Отец говорил мне: «Хорошего образования у тебя может и не быть, но хорошие манеры ничего тебе не стоят». И сам жил по этому принципу: всегда уступал женщинам место в автобусе, помогал старушкам переходить дорогу.

Хороший он был человек. Очень по нему очень скучаю.

Сейчас я понимаю, что отец был немного ипохондриком. Может, у меня это именно от него. Папу всё время беспокоила нога, он постоянно ее забинтовывал, но к врачу его было не загнать. Он бы скорее умер, чем обратился к специалисту. Врачи приводили отца в ужас, как и многих людей его возраста. И он никогда не брал отгулы. Если бы папа заболел и остался дома, это значило бы, что пора звать гробовщика.

Что у меня точно не от отца, так это склонность к зависимостям. Отец пропускал несколько кружек пива, но никогда

³ Ронни Баркер (англ. – Ronnie Barker) – английский комедийный актер и писатель, носивший большие очки в толстой оправе.

не напивался. Больше всего ему нравилось пиво «Mackeson Stout». Он ходил в клуб для работяг потусоваться с парнями с завода и приходил домой, напевая «Show Me the Way to Go Home». И всё. Никогда не видел, чтобы он валялся на полу, обмочил штаны или блевал. Ему просто становилось хорошо и весело. Иногда по воскресеньям я шел с отцом в паб, а потом играл на улице и слушал через дверь, как он во весь голос горланит. И я думал, черт возьми, должно быть тот лимонад, который папа пьет, просто потрясающий... У меня было невероятное воображение. Много лет мне было интересно, какое же пиво на вкус, пока я его наконец не попробовал и не подумал – что это, на хрен, за дерьмо? Не может быть, чтобы папа такое пил! Но потом понял в чем дело. Я обожал всё, что меняет мое состояние, поэтому к восемнадцати годам мог влить в себя пинту⁴ пива за пять секунд.

В нашей семье любили петь все, а не только папа, будучи навеселе. Мама и сестры тоже. Джина приходила домой с записями Чака Берри и Элвиса Пресли, женщины их разучивали и устраивали маленький субботний концерт. Однажды мои сестры даже разучили несколько мелодий The Everly Brothers. Впервые в жизни я выступал как раз на таком семейном концерте Осборнов – пел песню Клиффа Ричарда «Living Doll», которую услышал по радио. Но в то время я даже не помышлял о карьере певца, об этом и речи быть не могло. Насколько я знал, единственный способ заработать

⁴ 1 английская пинта = 0,57 литра.

хоть сколько-то денег – пойти работать на завод, как и все в Астоне. Или ограбить долбаный банк.

Этот вариант я точно не исключал.

Преступления пришли в мою жизнь естественно и непри-
нужденно. У меня даже был сообщник – паренек с моей ули-
цы по имени Патрик Мерфи. И Мерфи, и Осборны были
жесткими ребятами, хотя дети семейства Мерфи были насто-
ящими католиками и ходили в другую школу. Мы с Пэтом
начинали с воровства яблок. Но не продавали их, – просто
жрали, потому что были вечно голодные. Но частенько по-
падалось какое-нибудь гнилое, и нас проносило несколько
дней подряд. Недалеко от нашего дома была Тринити-роуд,
от которой шла улица пониже, так что можно было просто
прислониться к стене, задрать футболку и насыпать в нее яб-
лок с деревьев, которые росли внизу. Однажды, когда я стоял
на стене, как чертов беременный яблочный контрабандист,
владелец этой земли спустил с цепи двух немецких овчарок.
Они набросились на меня сзади, и я упал со стены головой
вниз прямо в сад, да так неудачно, что через несколько се-
кунд один глаз у меня раздулся и заплыл. Отец чертовски
взбесился, когда я в таком виде явился домой. Потом была
больница, где врач тоже задал мне трепку.

Но нас с Пэтом это не остановило.

После яблок мы перешли к «зачистке» парковочных ав-
томатов. Потом дело дошло до мелких краж. У моих пред-
ков было шестеро детей и не много денег, а в таком отчаян-

ном положении ради того, чтобы хоть немного набить живот, пойдешь на всё. Я не горжусь этим, но я и не один из тех парней, которые говорят: «Ой, у меня теперь всё хорошо, у меня куча денег, давайте не будем ворошить прошлое».

Именно мое прошлое сделало меня таким, какой я есть.

Потом мы замутили еще одну тему: встали у стадиона «Астон Вилла» во время матча и брали с фанатов по полшиллинга за то, чтобы «присмотреть» за их машиной. В то время все оставляли машины незапертыми, так что во время матча мы забирались в них и безобразничали. Иногда пытались дополнительно заработать мытьем этих машин. Это был блестящий план, пока как-то раз мы не решили вымыть машину одного несчастного придурка проволоочной щеткой. Когда мы закончили, с машины слезла половина краски. Увидев результат, чувак реально охренел.

Я не был плохим парнем, но очень хотел им быть. Я был обычным подростком и хотел, чтобы меня приняли наконец в одну из уличных шаяк. Помню, у нас были клевые игры. Мы играли в войнушку, ребята с одной улицы против ребят с другой, бросались друг в друга камнями, а вместо щитов у нас были мусорные ведра, и мы изображали битву греков против римлян. Было весело, пока одному парню не попали камнем в лицо, и его не увезли в неотложку, потому что из глазницы хлестала кровь. Еще мы мастерили бомбы из подручных материалов: берешь кучу дешевых хлопушек, высыпаешь из них порох, сплющиваешь один конец медной

трубки, прокручиваешь в середине отверстие, наполняешь ее порохом, загибаешь второй конец, затем берешь фитиль из одной хлопушки и вставляешь в отверстие. А потом нужно просто поднести спичку к фитилю и на хрен свалить отсюда, да побыстрее.

Ба-бах!

Хе-хе-хе.

Не всё, что мы делали, было настолько же хитроумно, как изготовление бомб, но почти всё – так же опасно.

Мы с Пэтом как-то построили землянку, вырыв ее в твердой глиняной набережной, вставили туда раму и доски, а в крыше проделали дыру для дымохода. Рядом были ржавые бочки из-под бензина, и мы спрыгивали с них на кусок старого рифленого металла, который служил идеальным трамплином – бумс! – приземляясь прямо на крышу землянки. Так мы развлекались несколько недель, пока в один прекрасный день я не угодил в чертов дымоход и чуть не свернул себе шею.

На пару секунд Пэт решил, что я отбросил коньки.

Но лучше всего были «строительные площадки». Мы часами страдали на них херней, что-то строили из щебня, что-то ломали, жгли костры. И всё время искали сокровища... у нас было безумное воображение. Вокруг было множество заброшенных викторианских домов, где можно было играть, потому что Астон тогда только начинали отстраивать заново.

Они были великолепны, эти старые дома, в них можно было заниматься чем угодно. Мы покупали пару двухпенсовых сигарет, садились в разбомбленных гостиных или каких-нибудь других комнатах, бездельничали и курили. Нашими любимыми марками сигарет были «Woodbine» и «Park Drive». Сидишь там, в грязи и пыли, дымишь папироской и в то же время вдыхаешь плотный желтый бирмингемский смог.

Эх, было времечко.

Школу я терпеть не мог. Точнее – просто ненавидел.

До сих пор помню первый день в начальной школе Prince Albert Juniors в Астоне: меня пришлось тащить туда за загривок, потому что я верещал и брыкался.

Единственное, чего я с нетерпением ждал, – это звонок с уроков в четыре часа. Я не умел как следует читать и не получал хороших оценок. В голове у меня ничего не задерживалось, и я не мог понять, почему мой мозг – бесполезный кусок долбаного желе. Я смотрел на страницу в книге, но толку от этого не было – словно она была написана на китайском. Я чувствовал, что из меня ничего не выйдет, будто уже родился неудачником. Только в тридцать с лишним лет я узнал, что у меня дислексия и синдром дефицита внимания. В то время об этом дерьме еще никто ничего не знал. В моем классе было сорок человек, поэтому, если ты чего-то не понимаешь, то учителю было на это глубоко плевать. Остается лишь бездельничать. Именно так я и делал. А когда надо

мной смеялись – например, когда надо было читать вслух, – я старался развлекать класс и придумывал разные безумные шутки, чтобы всех рассмешить.

Единственный плюс от дислексии в том, что дислексики обычно – очень творческие люди. По крайней мере, мне так сказали. Мы мыслим очень необычно. Но это клеймо на всю жизнь – когда не можешь читать как нормальные люди. Я до сих пор жалею, что не получил нормального образования. Думаю, что книги – это и правда круто. Зачитываться какой-нибудь книгой – просто восхитительно, черт возьми. У каждого должна быть такая возможность. Но я смог прочитать от начала до конца всего несколько книг за всю жизнь. Раз в сто лет случается, что эта хрень в моей голове проходит, и я стараюсь читать как можно больше, потому что, когда она вернется, всё будет как раньше, и я буду сидеть и пялиться в иероглифы.

Насколько я помню, в школе меня всегда называли Оззи. Понятия не имею, кто первым это придумал, когда и почему. Полагаю, это просто кличка для Осборна, но она отлично сочеталась с моим клоунским поведением. Как только кличка приклеилась, Джоном меня продолжали называть только дома. Сейчас я даже не узнаю свое настоящее имя. Если кто-то скажет: «Эй, Джон! Смотри сюда!» – я даже глаза не подниму.

После окончания начальной школы я перешел в среднюю школу Birchfield Road Secondary Modern в Перри Барре. Там

у нас была школьная форма. Она была необязательной, но большинство детей ее носили, в том числе мой младший брат-паинька Пол. Каждый день он надевал пиджак, серую фланелевую рубашку, галстук и майку. А я ходил в заляпанных сапогах, джинсах и вонючих старых джемперах. Директор школы мистер Олдхэм бранил меня каждый раз, когда видел. «Джон Осборн, приведи себя в порядок, ты позорище! – кричал он с лестницы. – Почему ты не можешь брать пример с брата?»

Единственный раз мистер Олдхэм сказал обо мне доброе слово, когда я сообщил ему, что один из старших школьников пытался убить рыбок, налив в аквариум моющее средство. Он даже похвалил меня на собрании. «Благодаря Джону Осборну, – заявил он, – мы смогли уличить злодея, ответственного за этот низкий поступок». Чего мистер Олдхэм не знал, так это того, что убить рыбок моющим средством пытался я, но потом почему-то передумал. Я знал, что все будут ругать меня за мыльную пену в аквариуме – меня ругали вообще за *всё*, поэтому подумал, что если я вовремя переведу стрелки на кого-нибудь другого, то мне удастся избежать наказания. Все получилось как надо.

Был один учитель, который мне нравился, – мистер Черрингтон. Он был любителем местной истории и однажды водил нас в место под названием Пимпл Хилл в Бирмингеме, где раньше стоял старый замок. Это было чертовски здорово. Он рассказывал о крепостях, захоронениях и средневековых

приспособлениях для пыток. Это был лучший урок в моей жизни, но я всё равно не получил хороших оценок, потому что ничего не смог записать.

Как ни странно, единственное, за что я получал хорошие оценки в школе на Берчфилд-роуд, – это «обработка тяжелых металлов». Полагаю, это потому, что отец занимался изготовлением инструментов, и знания были усвоены естественным путем. Я даже выиграл первый приз в конкурсе нашего класса за лучший металлический стопор для окна. Но это никак не мешало мне валять дурака. Учитель, мистер Лейн, бил меня по заднице большой деревяшкой так сильно, что я думал, у меня задница отвалится. На самом деле он был хорошим парнем, мистер Лейн. Хотя и страшным расистом. Черт возьми, что он говорил... Сегодня за такое он бы точно загремел в тюрьму.

Мой любимым приколом на уроке по обработке металлов был такой: берешь однопенсовик, три-четыре минуты нагреваешь его паяльной лампой, а потом кладешь на стол мистери Лейну, чтобы он поднял его из любопытства.

Сначала слышишь: «А-а-а-а-а-а-ай!» – а потом: «Осборн, ах ты, маленький ублюдок!»

Хе-хе-хе.

Старый фокус с горячим пенсом. Забавно, приятель.

Когда я был помладше, надо мной какое-то время издевались старшие дети. Поджидали по дороге из школы, стяги-

вали с меня штаны и дразнили. Мне было одиннадцать-двенадцать лет и это было очень неприятно. Они не трахали меня, не драчили – просто мальчишки играли в мальчишечьи игры, – но мне было очень стыдно и страшно, а рассказать родителям я не мог. В моей семье дети и так дразнили друг друга – и это нормально, когда вас шестеро в одном доме – но из-за этого попросить о помощи было невозможно. И я думал, что сам во всём виноват.

По крайней мере, когда я вырос и у меня появились собственные дети, я говорил им: «Никогда не бойся подойти к маме с папой с любой проблемой. Ты сам решаешь, что хорошо, а что нет, и, если кто-то трогает твое тело, а тебе это не нравится, просто скажи нам». И, поверьте, если бы я узнал, что с моими детьми кто-то ведет себя не должным образом, то пролилась бы чертова *кровь*.

В конце концов, я нашел способ отделаться от этих подонков. Я выбрал самого крупного парня на площадке и смешил его, пока тот не рассмеялся. Так мы подружились. Фигура у него была чем-то средним между кирпичным сортиром и долбаной горой Сноудон⁵. Если свяжешься с таким, то следующие пару месяцев придется пить свой школьный обед через соломинку. Но в глубине души этот громила был добрым великаном. Как только мы подружились, хулиганы оставили меня в покое, что стало большим облегчением, ведь в драке

⁵ Сноудон – высочайшая вершина Великобритании южнее Шотландского высокогорья.

от меня было столько же толку, сколько и в чтении.

Единственным парнем в школе, который *никогда* ко мне не лез, был Тони Айомми. Он был на год старше, и его знали все – Тони умел играть на гитаре. Хотя он меня и не бил, но всё равно пугал. Может, даже заехал по яйцам пару раз или ткнул пальцем, но больше ничего. Тони был высоким, красивым и нравился всем девочкам. Победить Айомми в драке не мог никто. Мое самое яркое школьное воспоминание о нем – это день, когда нам разрешили принести в школу свои рождественские подарки. Тони пришел с такой яркой красной электрогитарой. Помню, как подумал, что это самая крутая вещь, которую я видел в жизни. Я тоже всегда хотел играть на каком-нибудь инструменте, но у моих родителей не было денег, да, к тому же, мне бы все равно не хватило усидчивости. Я мог сосредотачиваться максимум на пять секунд. А Тони умел играть. Он был просто невероятен. Тони один из ребят, одаренных от природы: можно дать ему какую-нибудь монгольскую волынку, и за пару часов он разберется, как играть на ней блюзовые риффы. Еще в школе мне было интересно, какое будущее ждет Тони Айомми.

Но наши пути снова пересеклись лишь через несколько лет.

Я рос и всё меньше времени проводил в классе и больше – за курением в мужском туалете. Курил я так часто, что постоянно опаздывал на утреннюю регистрацию, которую про-

водил учитель регби мистер Джонс. Он меня ненавидел, поэтому всё время оставлял после уроков и позорил перед другими детьми. Больше всего на свете мистер Джонс любил меня бить. Обычно он велел мне идти к ящику с теннисными туфлями в задней части класса, выбрать самую большую и принести ему. Потом шел сам, рылся в ящике, и, если находил туфлю большего размера, то бил меня по заднице с удвоенной силой. Пожалуй, именно он издевался надо мной больше всех в школе.

Еще мистер Джонс занимался тем, что с утра выстраивал всех нас в классе в линейку, а затем ходил за спинами туда-обратно и смотрел на шеи – проверял, что мы умываемся по утрам. Если он считал, что у тебя грязная шея, то проводил по ней белым полотенцем. И если полотенце пачкалось, то тащил за воротник к раковине в углу и оттирал, как животное.

Во всей школе он был самым большим хулиганом, этот мистер Джонс.

Довольно быстро я понял, что у моих родителей денег меньше, чем у большинства других семей. Об отдыхе на Майорке каждое лето речь как-то не заходила – родителям нужно было кормить и одевать шестерых маленьких Осборнов. До четырнадцати лет я даже не видел море. Впервые это произошло благодаря моей тетушке Аде, которая жила в Сандерленде. И не видел океана – большой воды, в кото-

рую не стекает дерьмо из местной канализации и от которой у тебя не наступает гипотермия за три долбанных секунды, – до двадцати с лишним лет.

Нашу бедность можно было определить и по другим признакам. Например, вместо туалетной бумаги мы пользовались кусочками газет. Летом я носил резиновые сапоги, потому что у меня не было обуви, а мама никогда не покупала мне нижнее белье. А еще был изворотливый парень, который постоянно приходил в дом и просил денег. Мы называли его «тук-тук». Он был коммивояжером и втюхивал маме в кредит всякое барахло из своего каталога, а потом исправно навещался каждую неделю за следующим платежом. Но у мамы никогда не было денег, поэтому она всегда посылала к двери меня – сказать, что ее нет дома. В конце концов я от этого устал. «Мама говорит, что ее нет дома», – ответил я.

Несколько лет спустя я искупил свою вину: открыл дверь этому тук-туку и оплатил все мамины счета. Потом велел ему проваливать к черту и никогда больше не возвращаться. Но это не помогло. Две недели спустя, вернувшись домой, я увидел, что маме доставили новенький костюм-тройку. Как вы думаете – откуда он взялся?

Когда я был маленьким, с деньгами было очень туго. Один из худших дней всего моего детства – когда мама дала мне десять шиллингов на День рождения, чтобы я купил себе фонарик, светящийся разными цветами, – а по пути домой я потерял сдачу. Должно быть, четыре или пять часов я шарил

по всем канавам и сливным трубам Астона, чтобы найти те несколько медяков. Самое смешное, что я даже не помню, что сказала мама, когда я пришел домой. Но очень хорошо помню, что был чертовски напуган.

Не то чтобы жизнь в доме номер 14 на Лодж-роуд была плоха. Но едва ли ее можно назвать семейной идиллией.

Хотя бы потому, что моя мать не Делия Смит⁶.

Каждое воскресенье она потела на кухне за плитой, а мы все тряслись в ожидании результата. Жаловаться было нельзя. Как-то раз я ем капусту, а она на вкус, как мыло. Джина ловит мой взгляд, тычет промеж ребер и шепчет: «Не говори ни слова». Но меня сейчас или вывернет, или я умру от отравления этой дрянью. К счастью, в ту же секунду папа возвращается из паба, вешает пальто и садится за обеденный стол. Берет вилку, втыкает ее в капусту, подносит ко рту, а из нее торчит спутанная проволока! Да благословит Бог мою старую маму, она сварила щетку для мытья посуды!

Мы все побежали в сортир, чтобы проблеяться.

В другой раз мама дала мне с собой на обед сэндвичи с вареным яйцом. Я поднимаю хлеб, а там сигаретный пепел и кусочки скорлупы.

Классно, мам.

Школьные обеды просто спасли мне жизнь. Это одна из немногих прекрасных вещей в моем сраном образовании.

⁶ Делия Смит (англ. – Delia Smith) – английский повар и популярная телеведущая.

Они были просто волшебные, эти школьные обеды. Нам давали основное блюдо *и* пудинг, и это было просто невероятно. Сейчас берешь что-нибудь и сразу начинается: «Ой, здесь двести килокалорий, – или, – ой, здесь восемь граммов насыщенных жиров». Но тогда еще не было такой срани, как калории. Была просто еда на тарелке. И ее всегда было мало.

Каждое утро я искал предлог прогулять школу. Поэтому, когда причины были настоящие, мне никто не верил.

Например, когда я слышал привидение.

Я на кухне, собираюсь выходить в школу. Зима, мороз, в кране нет горячей воды, я кипячу чайник, чтобы налить воды в раковину и помыть посуду. И вдруг слышу голос: «Осборн, Осборн, *Осборн*». Папа работал в ночную смену, поэтому по утрам он собирал нас в школу и ложился спать. Я повернулся к старику и сказал: «Папа! Пап! Я слышу, как кто-то нас зовет! Кажется, это призрак! Похоже, он охотится на наш дом!»

Папа отрывает глаза от газеты.

– Хорошая попытка, сынок, – говорит он. – Призрак или не призрак, а в школу ты идешь. Давай поживей мой посуду. Но голос всё звучал.

– Осборн, Осборн, *Осборн*.

– Но, папа! – кричал я. – Там голос! Он есть, *есть*. Послушай!

Наконец папа тоже слышал.

– Осборн, Осборн, *Осборн*.

Казалось, голос раздается из сада. Мы оба выбежали на улицу – я прямо босиком, – в саду никого не было. Но мы снова слышали голос, на этот раз ближе и громче.

– Осборн, Осборн, *Осборн*.

Голос раздавался из-за забора. Мы заглянули в соседний сад и увидали, что наша соседка, одинокая старушка, лежит прямо на льду. Она поскользнулась, упала и не смогла встать, а помочь ей было некому. Скорей всего, если бы вовремя не подоспели, она замерзла бы насмерть. Мы с папой перелезли через забор, подняли и отнесли соседку в гостиную, где раньше никогда не были, хотя жили в соседнем доме всю жизнь. Оказалось, у старушки раньше были муж и дети, но во время войны мужа отправили во Францию, где его застрелили нацисты, а дети погибли в бомбоубежище. Но она жила так, будто все еще живы. Всюду были фотографии, детская одежда и игрушки. Весь дом словно застыл во времени. Было очень грустно. Это самая душераздирающая картина, какую я видел в жизни. Помню, как мама выплакала все глаза, когда в тот день вернулась из этого дома.

Удивительно, да? Живешь в нескольких сантиметрах от соседа и ничегошеньки о нем не знаешь.

В тот день я опоздал в школу, но мистеру Джонсу было всё равно, почему – ведь я опаздывал почти каждый день. Для него это был очередной повод превратить мою жизнь в ад. Однажды утром – может, это было в тот день, когда мы

нашли старушку на льду – я пришел на перекличку с таким опозданием, что она уже закончилась, а на линейке уже стоял другой класс.

Для меня это был особенный день, потому что папа дал мне связку металлических стержней с завода «Дженерал электрик», и я собирался сделать несколько отверток на уроке обработки металлов. Стержни лежали у меня в сумке, и я с нетерпением ждал, когда смогу показать их одноклассникам.

Но день был испорчен, еще не успев начаться. Помню, как стою перед столом мистера Джонса, а он бесится и орет на меня, пока другой класс рассаживаются за партами. Мне было так стыдно, что я хотел забиться в какую-нибудь нору и никогда из нее не вылезать.

– ОСБОРН! – кричал он. – ТЫ ПОЗОРИШЬ САМОГО СЕБЯ И ЭТУ ШКОЛУ! НЕСИ МНЕ БОТИНОК!

В классе воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как перднет мышь.

– Но, сэр!

– НЕСИ МНЕ БОТИНОК, ОСБОРН. И УБЕДИСЬ, ЧТО ОН САМЫЙ БОЛЬШОЙ, ИЛИ Я ТРЕСНУ ТЕБЕ ПО ЗАДУ ТАК СИЛЬНО, ЧТО ПОТОМ МЕСЯЦ СИДЕТЬ НЕ СМОЖЕШЬ!

Я огляделся и увидел лица учеников, уставившихся на меня. Черт, приятель, я готов был умереть. Ребята в этом классе были на год старше и пялились на меня, как будто я ка-

кой-нибудь чертов урод. Я втянул голову в плечи и совершил свой променад позора в конец класса. Кто-то пытался подставить мне подножку. Еще кто-то подвинул свой портфель в проход, чтобы мне пришлось его обойти. Все мое тело дрожало и онемело, а лицо горело огнем. Я не хотел заплакать перед старшими детьми, но уже чувствовал, как накатывают слезы. Я подошел к ящику, нашел туфлю – но так нервничал из-за того, что на меня все смотрят, что даже не смог определить самый большой, – и отнес ее мистеру Джонсу. Подаю ему ботинок, не поднимая глаз.

– ПО-ТВОЕМУ, ЭТО САМЫЙ БОЛЬШОЙ? – орет мистер Джонс. Потом быстро шагает в конец класса, смотрит в ящик, возвращается с ботинком побольше и велит мне наклониться. А все смотрят. В этот момент я отчаянно силюсь не заплакать, но у меня из носа уже льются сопли, и я утираюсь тыльной стороной ладони.

– Я СКАЗАЛ, НАКЛОНИСЬ, ОСБОРН!

Я слушаюсь. Затем он заносит руку как можно дальше и со всей силы бьет меня чертовым ботинком 44 размера.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Мне чертовски больно. Ублюдок бьет еще раз. И еще. Но к третьему или четвертому удару я уже на хрен натерпелся. И вдруг я разозлился. Во мне кипит чертова слепая ярость! Он шлепает меня снова, я лезу в сумку, достаю папины железные прутья и изо всей силы бросаю их прямо в жирную потную рожу мистера Джонса. Мне не очень давался спорт,

но в эти пару секунд я бы забил мяч за английскую сборную по крикету. Мистер Джонс отшатывается назад, у него из носа хлещет кровь, и я понимаю, что натворил. Ребята в классе пооткрывали рты. О, *че-е-е-е-ерт*. Я выбегаю из класса, несусь по коридору, выбегаю из школы и мчусь по дороге в дом номер 14 на Лодж-роуд. Забегаю наверх, где спит отец, и бужу его. И тут я разревелся.

Отец был просто в ярости.

Слава Богу, злился он не на меня, а на мистера Джонса. Папа сразу же отправился в школу и потребовал директора мистера Олдхэма. Крики было слышно в другом конце школы. Мистер Олдхэм каялся, что понятия не имел о методах воспитания мистера Джонса, но пообещал разобраться в ситуации. Отец ответил, что это было бы чертовски неплохо.

С тех пор меня ни разу не били.

В школе я был далеко не Ромео – большинство девчонок считали меня психом, – но какое-то время у меня была подруга по имени Джейн. Она ходила в школу для девочек на той же улице. Я сходил по ней с ума. До ужаса. Каждый раз перед встречей с ней я шел в школьный туалет и намыливал волосы, чтобы уложить их назад и казаться крутым. Но в один прекрасный день пошел дождь, и моя голова превратилась в мыльный пузырь, а мыло потекло по лбу прямо в глаза. Джейн взглянула на меня, спросила: «Ты что – дебил? –

и сразу бросила. Прямо там же. У меня разбилось сердце. Через несколько лет я встретил свою любовь выходящей из клуба в Астоне, и она была пьяна в такое говно, что я удивился, из-за чего же раньше так парился.

Были и другие девчонки, но ничего стоящего из этого так и не вышло. Вскоре я узнал, как больно, когда девушка, которая тебе нравится, гуляет с другим парнем. Когда тебя динамят, тоже не очень весело. Однажды я договорился встретиться с девчонкой у отеля «Crown and Cushion» в Перри Барре. Когда я пришел туда в полвосьмого, лил дождь, а ее нигде не было. Я подумал: «Ну ладно, придет через полчаса». И подождал до восьми. Ничего. Подождал еще полчаса. По-прежнему ничего. В итоге я прождал до десяти часов, а потом поковылял домой, промокший до нитки, подавленный и отвергнутый. Теперь, сам став отцом, я искренне недоумеваю, какого хрена я тогда себе думал? Ни один нормальный отец не выпустит свою дочь вечером на улицу в дождь встретиться с каким-то парнем из школы.

Это всего лишь мальчишеская любовь. Тебе кажется, что ты взрослый, но на самом деле это совсем не так.

Еще как-то раз, когда мне было около четырнадцати, я пригласил девочку в кино. Я решил, что буду плохим парнем, поэтому закурил, чтобы произвести впечатление. К тому времени я уже пробовал курить, но это еще не вошло в привычку. В тот вечер у меня в кармане было пять сиг и однопенсовый коробок спичек. И вот сижу я в кинотеатре,

строю из себя невесту что, как вдруг покрываюсь холодным потом. Какого черта, что со мной происходит? Рыгаю и чувствую вкус рвоты. Бегу в туалет, запираюсь в кабинке, и меня от кашля на хрен выворачивает наизнанку. Мне было так плохо, приятель. Я еле доплелся до выхода и побрел домой, меня рвало всю дорогу. Не знаю, что было дальше с той девчонкой, но, по крайней мере, она получила коробку конфет «Maltesers».

И за время моего взросления это не единственная печальная история, связанная с сигаретами. Как-то вечером, примерно тогда же, я курил в своей спальне на Лодж-роуд. Потом притушил сигаретку чтобы докурить утром, а через несколько часов проснулся от удушья. Всё было в дыму. *Чёрт побери*, подумал я, *я поджиг дом!* Но потом посмотрел на пепельницу рядом с кроватью и увидел, что сигарета не горит. Чего я не знал, так этого того, что тем вечером папа пришел домой немного навеселе и тоже курил дома. Но не потушил сигарету, а уронил ее за диван, так что поролон в подушках начал тлеть. По всему дому расползся удушливый черный дым.

Следующее, что я помню, как бегу вниз в гостиную и вижу, что у папы похмелье и виноватое лицо, у мамы по лицу текут слезы, и она сгибается пополам от кашля.

– Джек Осборн, – заорала мать в перерыве между кашлем. – Какого черта ты...

А потом закашлялась так сильно, что вставная челюсть

вылетела у нее изо рта и разбила окно, впустив холодный ветер с улицы. Взлетело пламя – и диван вспыхнул как гребаный костер. Я не знал, смеяться мне или обосраться от страха. Все-таки каким-то образом нам с папой удалось потушить огонь, а мама пошла в сад искать свою челюсть.

В доме воняло еще несколько недель.

Но это не помешало мне курить. Я был уверен, что с сигаретой выгляжу круто. И, возможно, был прав, потому что через несколько недель после пожара мои отношения с девочками наконец-то пришли к счастливой развязке. Незадолго до этого я обнаружил, что пенис нужен не только для того, чтобы мочиться в ведро, и стал неустанно дрочить. Я передергивал повсюду. Я не мог уснуть, потому что всю ночь гонял лысого. И вот однажды я пошел на танцы в паб в Астоне. Это было еще до того, как я начал пить, но в дальнем зале был чей-то развеселый день рождения. Там была девчонка постарше – в жизни не вспомнить, как ее звали, Богом клянусь, – и она со мной танцевала. Потом привела к себе домой и трахала всю ночь. Понятия не имею, почему она выбрала меня. Может, просто припекло, а я оказался единственным незанятым членом в этом пабе. Кто знает? Во всяком случае, я не жаловался. Конечно, после этого мне захотелось продолжения. Поэтому на следующий день побежал к ней домой, как пес, который второй раз нюхает тот же столб.

Но она выпалила: «Какого хрена тебе здесь надо?»

– Как насчет перепихнуться еще раз?

– Отвали.

Так закончился наш чудесный роман.

В пятнадцать лет я закончил школу. И что же за десять лет я получил от британской системы образования? Листок бумаги, на котором написано:

«Джон Осборн посещал школу «Birchfield Road Secondary Modern»».

И подпись:

«Мистер Олдхэм (Директор)».

И всё. Ни одной оценки. Ничего. Поэтому у меня было два карьерных пути: физический труд и физический труд. Первым делом я стал искать работу в рубрике вакансий на обороте «*Birmingham Evening Mail*». В газете как раз был специальный раздел для тех, кто только что закончил школу и интересуется перспективами трудоустройства. Я просмотрел их все: молочник, мусорщик, работник сборочной линии, укладчик, дворник, водитель автобуса и тому подобное – и выбрал работу водопроводчика, потому что это, по крайней мере, ремесло. А мне говорили, что без знания ремесла в жизни ничего не добьешься.

К тому времени, когда я получил эту работу, наступил конец года, начинало холодать. А я не знал, что водопроводчи-

ки больше всего надрываются в середине зимы, когда лопаются трубы. Так что в основном ты торчишь, наклонившись над люком в минус пять градусов, бодро отмораживая себе яйца. Меня не хватило даже на неделю. Но меня сломил не холод. Меня выперли за то, что я воровал яблоки в обеденный перерыв.

Старые привычки дали о себе знать.

Моя следующая работа была менее претенциозной. Я устроился на промышленный завод недалеко от Астона. Там производили автомобильные запчасти, а я отвечал за большой чертов аппарат для удаления смазки. Тебе дают корзину с кучей деталей – проводов, пружин, рычагов и прочего, – ты кладешь их в бак с бурлящими химикатами, и они очищаются. Химикаты были токсичными, и наверху аппарата висел знак: «ОПАСНО! НИКОГДА НЕ СНИМАЙТЕ ЗАЩИТНУЮ МАСКУ. НИКОГДА НЕ НАКЛОНЯЙТЕСЬ НАД БАКОМ».

Помню, поинтересовался у кого-то, что в баке, и мне ответили, что это дихлорметан. Я подумал про себя: «Хм, интересно, можно ли словить приход от этой штуки?» И как-то раз снял маску и на секундочку наклонился над баком. Это было нечто: «Ого-о-о-о-о-о-о!» – как будто нюхаешь клей. Только, черт возьми, в сто раз сильнее. Так что я стал каждое утро нюхать дихлорметан – это было намного дешевле, чем ходить в паб. Потом стал делать это два раза в день. А затем три. А потом каждые долбаные пять минут. Проблема

была в том, что, каждый раз, когда я туда наклонялся, мое лицо становилось черным и жирным от испарений. Ребята на заводе быстро догадались, что происходит. Я уходил на перерыв, а потом они видели мое лицо, покрытое этой черной дрянью, и говорили: «Ты что, опять торчал у обезжиривателя, да? Ты, на хрен, убьешь себя, приятель».

– О чем вы говорите? – отвечал я с невинным видом.

– Это же токсично, черт возьми, Оззи.

– Поэтому я никогда не снимаю защитную маску и *никогда* не наклоняюсь над баком, как написано на табличке.

– Брехня. Прекрати, Оззи. Ты убьешь себя.

Через несколько недель дошло до того, что я постоянно был не в себе и разгуливал по заводу, напевая песни. У меня даже начались галлюцинации. Но я продолжал нюхать – просто не мог остановиться. И в один прекрасный день я пропал. Меня нашли лежащим на баке без сознания. «Вызовите «неотложку», – сказал надзиратель. – И чтобы больше этого идиота я не видел».

Мои родители, когда узнали, что меня снова уволили, чуть с ума не сошли. Я продолжал жить в доме номер 14 на Лодж-роуд, и они ждали, что аренду мы наконец будем платить вместе, несмотря на то, что я старался проводить дома как можно меньше времени. Мама поговорила со своим начальником и устроила меня на работу на завод «Лукас», чтобы я хотя бы там был под присмотром. «Это отличная возможность научиться новому, Джон, – сказала она. – Боль-

шинство людей твоего возраста отдали бы правую руку на отсечение за такой шанс. Ты приобретешь очень полезный навык – станешь настройщиком автомобильных клаксонов».

У меня сердце в пятки ушло.

Настройщиком автомобильных клаксонов?

В те времена работяги рассуждали так: получаешь хоть какое-то образование, идешь в подмастерья, тебе дают дерьмовую работу, ты этим страшно гордишься, несмотря на то, что она дерьмовая. А потом занимаешься этой дерьмовой работой до гробовой доски. Твоя дерьмовая работа – это *всё*. Многие люди в Бирмингеме даже не доживали до пенсии. Они просто падали замертво прямо на пол завода.

Мне нужно было свалить на хрен, пока я не попался в этот капкан. Но я понятия не имел, как уехать из Астона. Попытался было эмигрировать в Австралию по специальной программе, но не смог оплатить сбор в 10 фунтов. Я даже пытался пойти добровольцем в армию, но меня не взяли. Парень в военной форме взглянул на мою рожу и сказал: «Извини, нам нужны люди, а не *вещи*».

Так что я пошел работать на завод. Своему другу Пэту я сказал, что теперь работаю в музыкальном бизнесе.

– Что ты имеешь в виду под музыкальным бизнесом?

– Настраиваю всякое, – туманно ответил я ему.

– Всякое какое?

– Не суй нос не в свое собачье дело!

На том обсуждение моей новой работы было закончено.

В первый день работы на заводе «Лукас» мастер привел меня в комнату со звукоизоляцией – в ней предстояло работать. Моя работа заключалась в том, чтобы брать автомобильные гудки с конвейерной ленты и класть в хитрый аппарат в форме колпака. Затем подключать их к электрической сети и регулировать отверткой, чтобы раздавались звуки: «БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП». И так 900 раз в день – столько автомобильных гудков требовалось настроить в соответствии с дневной нормой. Контролеры вели подсчет, поэтому каждый раз, когда гудок был готов, нужно было нажимать на кнопку. В одном помещении нас было пятеро, так что пять гудков бибикало и пищало, и верещало одновременно, с восьми утра до пяти вечера.

Когда выходишь из этой чертовой комнаты, то в ушах звенит так громко, что не слышно собственных мыслей.

Так проходил мой день.

Берешь гудок.

Подсоединяешь провод.

Настраиваешь отверткой.

БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.

Кладешь гудок обратно на ленту.

Нажимаешь кнопку.

Берешь гудок.

Подсоединяешь провод.

Настраиваешь отверткой.

БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.

Кладешь гудок обратно на ленту.

Нажимаешь кнопку.

Берешь гудок.

Подсоединяешь провод.

Настраиваешь отверткой.

БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.

Кладешь гудок обратно на ленту.

Нажимаешь кнопку. И по новой.

А мама глядела на меня с гордостью через смотровое стекло.

Но через несколько часов этого чертового бибиканья я начал сходить с ума. Я был готов убивать все живое. Поэтому стал нажимать на кнопку два раза за один гудок, надеясь уйти с работы пораньше. Что угодно, лишь бы выбраться из этой гребаной будки. Когда я смекнул, что это работает, то стал нажимать по три раза. Потом по четыре. Ну, а потом и по пять. Так я проработал несколько часов, а потом услышал треск и визг микрофона громкой связи откуда-то сверху. Конвейерная лента завибрировала и остановилась. Из громкоговорителя раздался сердитый голос:

«ОСБОРН. В КАБИНЕТ К НАЧАЛЬНИКУ! НЕМЕДЛЕННО!».

Начальству захотелось узнать, каким образом мне удалось настроить пятьсот клаксонов за двадцать минут. Я ответил, что, очевидно, кнопка неисправна. Но мне возразили, что, оно начальство, черт возьми, не вчера родилось, а единствен-

ная неисправность кнопки заключается в том, что на нее нажимает гребаный идиот. И, если я сделаю это еще раз, то меня вышвырнут отсюда на хер пинком под зад. Точка. Понятно? Я сказал: «Да, я понимаю», – и потопал назад в свою будку.

Берешь гудок.

Подсоединяешь провод.

Настраиваешь отверткой.

БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.

Кладешь гудок обратно на ленту.

Нажимаешь кнопку.

И так с утра и до вечера.

Изо дня в день.

После нескольких недель этой канители я решил завязать разговор с Гарри – пожилым мужчиной, который работал со мной.

– Сколько вы уже здесь работаете? – спросил я его.

– А?

– Сколько вы уже здесь работаете?

– Что ты там шепчешь, сынок?

– **СКОЛЬКО ВЫ УЖЕ ЗДЕСЬ РАБОТАЕТЕ?** – закричал я. Гарри, очевидно, полностью оглох от того, что каждый день слушал эти клаксоны.

– Двадцать девять лет и семь месяцев, – сказал он с улыбкой.

– Шутите.

– А?

– Ничего.

– Перестань шептать, сынок.

– ЭТО ЧЕРТОВСКИ ДОЛГО, ГАРРИ.

– Знаешь, что во всем этом самое приятное? – Я развел руками и помотал головой.

– Через пять месяцев я получу золотые часы. Выйдет, что я проработал здесь тридцать лет!

Когда я представил, что в этой комнате можно провести тридцать лет, мне захотелось, чтобы русские сбросили на нас бомбу и разом покончили с этим.

– Если вам так нужны золотые часы, – сказал я, – нужно было просто украсть их из долбаного ювелирного магазина. Даже если бы вас поймали, тюремный срок был бы в десять раз меньше, чем вы прозябали в этой вонючей дыре.

– Повтори, сынок?

– Ничего.

– А?

– НИЧЕГО.

На этом мое терпение лопнуло. Я бросил отвертку, ушел из будки, прошел мимо мамы, вышел на улицу и отправился напрямиком в ближайший паб. Так закончилась моя первая работа в музыкальной индустрии.

Мысль о том, чтобы найти настоящую работу в музыкальном бизнесе, казалась тогда какой-то идиотской шуткой. Это

было так же невозможно, как стать космонавтом, каскадером. Или трахнуть Элизабет Тейлор. Но с тех самых пор, как я спел «Living Doll» на семейном концерте, у меня была мечта. Я хотел собрать свою группу. Какое-то время даже ходил и хвастался, что играю в коллективе под названием Black Panthers. Брехня. Моя «группа» представляла собой пустой футляр от гитары, на котором было написано «The Black Panthers» (я сам написал это эмульсионной краской, найденной в садовом сарае). Еще я говорил людям, что у меня есть собака по кличке Hush Puppy. На самом же деле это был ботинок, подобранный на помойке и привязанный на провод, как на поводок. Всё это было у меня в воображении. Я разгуливал по улицам Астона с пустым чехлом от гитары, таская за собой ботинок на проводе и представляя себя блюзовым музыкантом из Миссисипи. Неудивительно, что все вокруг думали, будто я окончательно спятил.

Когда я не проводил время со своей воображаемой группой и воображаемой собакой, то тусовался с тедди-боями⁷. К моменту моего взросления культура тедди-боев уже сходила на нет, так что я так и не поносил длинное пальто, ботинки на платформе и всё остальное дерьмо. Но мне нравилась музыка, которую они ставили на музыкальных автоматах. Несколько недель я ходил и пел песню «Heu Paula» дуэта Paul & Paula. Эти старые мелодии просто заслушаешься!

⁷ Тедди-бои (англ. Teddy Boys) – молодежная субкультура, существовавшая в 1950-е гг. в Великобритании.

Потом мне приглянулся стиль модов⁸ – их узкие мохеровые костюмы. Потом я переметнулся в рокеры, носил кожаные куртки и шипованные ремни. Так меня и носило туда-обратно. Я просто искал приключений. Чего угодно, лишь бы не работать на заводе.

Ну а потом появились битлы!

Внезапно эти четыре парня из Ливерпуля с прическами моп-топ заполнили радио- и телеэфир. С последней зарплаты на заводе «Лукас» я купил их вторую пластинку – альбом «*With the Beatles*».

Как только я принес его домой, всё изменилось.

Когда игла проигрывателя легла на диск, у меня в голове разлился свет. Этот альбом меня просто поглотил. Мелодии Леннона и Маккартни были похожи на какую-то магию. Они унесли меня из Астона в волшебный мир The Beatles. Я не переставая слушал эти четырнадцать песен (восемь оригинальных и шесть каверов, в том числе на песню Чака Берри «Roll Over Beethoven»). Возможно, вам покажется, что я преувеличиваю, но тогда мне впервые показалось, что жизнь обрела смысл. Я слушал и слушал эти мелодии по кругу на большой полированной отцовской радиоле, которая сочетала в себе радиоприемник и старомодный фонограф и выглядела настоящим предметом мебели, занимая почетное место у нас в гостиной. На катке «Silver Blades», куда я ходил, этот

⁸ Мобы (англ. Mods) – британская молодежная субкультура, сформировавшаяся в конце 1950-х гг. и достигшая пика в середине 1960-х гг.

альбом включали через громкоговорители. Иногда я просто ходил с пластинкой под мышкой и чувствовал себя дико крутым! Вскоре я начал собирать всё, что хотя бы как-то было связано с битлами: фотографии, плакаты, открытки. *Вообще всё*. И развешивал всё это на стене в спальне. Братья не возражали – они тоже были без ума от The Beatles.

Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило со мной.

Конечно, мне пришлось сэкономить немного денег, чтобы купить первый альбом The Beatles «*Please Please Me*». А когда вышел «*A Hard Day's Night*», я стоял первым в очереди в музыкальный магазин. Благодаря битломании я понял, что не хотеть работать на заводе – это нормально. Ведь Джон Леннон и Пол Маккартни тоже не хотели работать на заводе! И они были такие же, как я – парни из рабочих семей, из провинциального полуразрушенного промышленного города. Единственная разница в том, что они из Ливерпуля, а не из Астона. А раз они играют в группе – значит, я тоже могу попробовать. Я был на восемь лет младше Леннона, на шесть лет младше Маккартни, и у меня было достаточно времени для того, чтобы прославиться. Проблема в том, что я понятия не имел, как это сделать. Я даже не знал никого, кто умеет играть на музыкальном инструменте. Кроме Тони Айомми, которого ни разу не видел после окончания школы. Поэтому я решил, что лучше отрастить волосы и набить себе татуировки. По крайней мере, это будет *выглядеть* соответ-

ствующе.

Волосы – это не проблема. А татуировки делать чертовски больно.

Сначала у меня на руке появился кинжал. Потом я научился делать татуировки сам при помощи иголки и туши. Всё, что нужно, – это взять крупную капельку туши на кончик иголки и воткнуть ее в кожу достаточно глубоко, чтобы тушь осталась внутри. В семнадцать лет я просидел целый день в парке Саттон – шикарном районе Бирмингема, – набивая буквы OZZY себе на пальцах. Вечером вернулся домой, чертовски довольный собой, но папа моей радости не поделил. Он побелел, увидев мои руки, и сказал: «Сынок, ты выглядишь как чертов идиот».

В 1964 году свершилось нечто невообразимое!

Я получил работу, которая мне нравилась.

Оказалось, что, несмотря на мои неудачи в освоении профессий сантехника, настройщика гудков, строителя и специалиста в области большой кучи других дерьмовых работ, у меня есть талант к убийству животных. Говорят, что после того, как среднестатистический человек попадает на скотобойню, он становится вегетарианцем. Возможно, но только не я. Мне там удалось многому научиться. Например, очень быстро я узнал, что не бывает цыплят в форме наггетсов и маленьких коров в форме гамбургеров. Животные – это большие вонючие штуки. Думаю, любой, кто ест мясо, должен посетить скотобойню хотя бы раз в жизни – просто что-

бы знать, что там происходит на самом деле. Это кровянища, вонища и прочая хрень.

Бойня, куда меня взяли, находилась в Дигбете, одном из старейших районов Бирмингема. Моей первой обязанностью было выгребать рвоту. Я должен был разрезать кучу овечьих желудков в углу, один за другим, чтобы вынуть оттуда полупереваренную пищу. Весь первый день я блевал как сукин сын. И очень долго мне не становилось легче. Целый месяц я блевал примерно каждый час. У меня все мышцы в животе горели. Иногда товарищи по работе подшучивали надо мной и подсовывали желудок забракованного животного – например старой больной овцы, мясо которой нельзя было есть. Как-то я взял такой желудок, и он лопнул прямо у меня в руках – гной и кровь забрызгали мне лицо. Ребята почему-то посчитали, что это чертовски забавно.

Но потом скотобойня стала мне нравиться. Вскоре я привык к вони, неплохо зарекомендовал себя на первой должности, я пошел на повышение и меня назначили забойщиком коров.

Это была чертова работенка. Я хочу сказать только одно – если вас когда-нибудь лягнет корова, вы все поймете. Когда одна из них заехала мне по правому шару, я думал, что левый выйдет из меня с кашлем.

Процесс начинается с того, что группа из пяти-шести мужиков связывает корову и ведет ее в комнату смерти. Животное поднимается по рампе, а я жду его с пневматиче-

ским пистолетом в руках. Пистолет заряжен пустым картриджом, который создает достаточное давление, чтобы выстрелить большим гвоздем типа круглой стамески прямо корове в мозг. Он устроен так, чтобы животное не почувствовало боли – кроме того момента, когда огромный чертов гвоздь проходит через его голову. Для того, чтобы выстрелить из этого пистолета, нужно стоять прямо рядом с коровой. Но если животное взбесилось, то вырубить его с первого раза никак не получится. При этом ни тебе, ни животному деваться все равно некуда. Не могу сказать, сколько раз мне пришлось биться насмерть с коровами на этой скотобойне. В одного быка мне пришлось выстрелить раз пять или шесть, пока он не упал – чертовски сильно взбесился. В какой-то момент я даже решил, что сам закончу свои дни в булке с кетчупом.

Когда корову вырубili, ей связывают ноги и привязывают к движущейся рельсе, которая поднимает животное вверх ногами и везет дальше по линии переработки. Следующий работник перерезает ей горло, и кровь стекает в специальный желоб внизу. Так что в конце концов животное умирает от потери крови. Однажды корова всё еще находилась в сознании, когда я прицепил ее к рельсе, но я-то этого не знал. Пока буренка болталась вверх ногами, она умудрилась лягнуть меня копытом в зад так, что я полетел лицом вниз прямо в кровавый желоб. Когда меня вытащили, я был похож на что-то из фильма ужасов. Моя одежда пропиталась кровью, ботинки хлюпали от нее, а волосы слиплись в ком. Да и на-

хлебался я этой жижи сполна.

Ведь по желобу течет не только кровь. В этой чертовой канаве еще много других неясных смердящих веществ. Я так провонял всем этим делом, что сидеть со мной в автобусе желающих не нашлось.

В Дигбете я занимал разные должности. Какое-то время специализировался на потрохах: вырезаешь у коровы желудок, кладешь его в большую тачку и замачиваешь на ночь. Поработал и «съемщиком каблуков» – отрезал коровам копыта. Потроха – это одно, но кто, черт возьми, будет есть чертовы копыта? Работал и забойщиком свиней. Говорят, что единственная часть свиньи, не пригодная к употреблению, – это ее визг, и это правда. Так или иначе, каждая часть этого животного становится продуктом. Моя работа заключалась в том, чтобы взять щипцы с губками на концах, намочить в воде, приложить к голове свиньи, нажать кнопку на ручке и убедиться, что животное вырубилось. И снова все это получалось у меня через раз, но всем было насрать. Иногда ребята издевались над свиньями и зверствовали нещадно. Зло, которое там творилось, напоминало плохой день в Освенциме. Иногда свиней живьем бросали в чан с кипящей водой. Или животные всё еще оставались в сознании, когда их помещали в печь, где на спинах сгорала щетина. О многом, что произошло в тех стенах, сегодня я жалею. Забить свинью для хорошего барбекю – одно дело. Но нет оправдания жестокости, даже если ты скучающий сопляк.

Если немного поработать на скотобойне, то на мясо начинаешь смотреть по-другому. Помню, как однажды на пикнике готовил стейки на барбекю. Ко мне подошли несколько коров с соседнего поля и стали принюхиваться, как будто поняли, что что-то не так. Готовить стейки мне тогда показалось очень странным. «Уверен, это не ваши родственники», – сказал я коровам, но они всё равно не свалили. В итоге они испортили весь ужин. Есть говядину в компании коровы как-то неправильно.

Но мне нравилась работа в Дигбете. Парни, с которыми я работал, были сумасшедшими и чертовски любили веселиться. К тому же после того, как забьешь всех запланированных животных, можно было идти домой. Так что, если начать пораньше, то можно освободиться к девяти-десяти утра. Помню, как по четвергам мы получали зарплату и сразу отправлялись в паб. Это было отличное место, чтобы устраивать мой любимый розыгрыш – бросать коровьи глаза людям в выпивку. Специально для этого я тайком приносил со скотобойни дюжину-другую. Больше всего мне нравилось найти молодую впечатлительную девчонку, дожидаться, когда она пойдет в туалет, и положить ей глаз на банку колы. Они были просто в шоке, когда видели это дерьмо. Однажды владелец заведения вышвырнул меня за то, что из-за такой шутки кто-то заблевал его ковер. Тогда я взял еще один глаз, и, стоя за дверью, разрезал его ножом. После этого ряды пьющих покинули еще два-три человека, но мне это, ясное дело, каза-

лось сногсшибательным приколом.

Еще одной достопримечательностью Дигбета был ночной клуб «Midnight City». Там играли соул, поэтому, когда паб закрывался, я, шатаясь, выходил оттуда и шел в клуб танцевать до пяти утра, втрескавшись по полной дексамфетаминном. А оттуда отправлялся снова на бойню – убивать коров. Так я проводил все выходные до вечера воскресенья, а потом снова возвращался в дом номер 14 на Лодж-роуд.

Это было волшебно.

На скотобойне я продержался примерно полтора года. После выгребания рвоты, убийства коров, подвешивания потрохов, отрезания копыт и оглушения свиней моей последней обязанностью было вырезать свиной жир. У животных есть так называемая жировая сетка, которая обволакивает желудок, – типа пивного живота, – и мне нужно было ее вырезать, растянуть и повесить на ночь на столбы, чтобы просохла, а на следующее утро упаковать. Большая часть этого жира использовалась для изготовления женской косметики. Но прежде чем сушить жир, его нужно было промыть. Для этого был большой чан с кипящей водой, и хитрость состояла в том, чтобы очистить жир с помощью пара, затем помыть, положить на стойку и повесить на растяжках.

Но парни на скотобойне не уставали подшучивать друг над другом. Например, когда ты наклоняешься над баком, они разрезали завязки на фартуке, и фонтан из крови и черт знает какого еще дерьма брызгал тебе прямо на одежду. Мне

это быстро надоело, а один перец меня особенно бесил. И вот однажды я наклоняюсь над баком, а этот парень подкрадывается сзади и разрезает мне завязки на фартуке. Я, недолго думая, разворачиваюсь и бью его по голове столбом для просушки сала. Я просто потерял хладнокровие, приятель, пойми. Это была довольно жестокая сцена. Я ударил его несколько раз, так что парня всего в крови пришлось увезти в больницу.

На этом закончилась моя работа на скотобойне. «Вали на хрен и не вздумай возвращаться», – сказал начальник.

Вот так я стал Джоном-вором. О том, чтобы снова пойти на завод, даже речи не было. Сама мысль о Гарри, его золотых часах и двух фунтах в неделю была невыносима.

Но в Уинсон Грин мне преподали хороший урок. В этом адском месте даже час – очень долго, а уж три месяца... Первым делом я спросил у кого-то, что имели в виду надзиратели, говоря о душе и моих длинных волосах. Всю следующую неделю я умолял дать мне ножницы, чтобы не быть похожим на девчонку. Каждое утро в душе я стоял, плотно прижавшись спиной к стене и закрывая яйца рукой, настолько, черт возьми, мне было страшно. Если я ронял мыло, то просто оставлял его на гребаном полу.

Я не собирался никуда наклоняться.

Но я волновался не только о том, что меня поймеют. В этом месте человека могли убить просто за то, что он будет

бесить кого-нибудь не того. Мордобой был делом повседневным, а я дрался как кусок дерьма. Поэтому я поступил так же, как с хулиганами на Берчфилд-роуд: нашел самого крупного и крутого ублюдка на спортплощадке и смешил его, вытворяя всякую херню.

Это было моим спасением.

В самой тюрьме всё было так, как я себе и представлял: лязгали двери, гремели ключи, на разных этажах сидели преступники всех мастей, и на каждом этаже был балкон, который выходил в середину здания. Меня посадили в «Крыло УР», которое предназначалось для малолетних преступников, а этажом выше располагались камеры предварительного заключения, в которых ждали суда или приговора убийцы, насильники, грабители банков, словом – нежелательные элементы всех мастей. В камеру могли пронести все что угодно. Пиво, сигареты и какое хочешь дерьмо – но выше всего ценился любой табак. Курение помогало убивать скуку, которая была твоим злейшим врагом. Даже старые сырые, облюндранные окурки стоили целое состояние.

Набивать себе татуировки – еще один способ скоротать время. Один из парней показал мне, как это делать без иглы и туши. Он нарисовал мне на руке изображение Святого шариковой ручкой – я был поклонником этого сериала еще с 1962 года, – а потом с помощью швейной булавки, которую стащил из мастерской, и расплавленной краски с решетки набил по рисунку татуировку.

После выхода из Уинсон Грин, я стал набивать себе татуировки повсюду. Я даже сделал себе по улыбающейся рожице на каждом колене, чтобы они веселили меня утром, пока я сижу на толчке. Еще в тюрьме меня научили делить спички. Они были дефицитным товаром, так что ребята придумали, как сделать из одной спички четыре, расщепив ее булавкой. Помню, как все время удивлялся – почему они до сих пор не стали миллионерами?

Мое самое яркое воспоминание об Уинсон Грин – это Брэдли. Он был известным педофилом, сидевшим в камере этажом выше моего крыла. Над его дверью висела табличка с надписью «ПРАВИЛО 43». Это означало, что с заключенным 24 часа в сутки должен находиться охранник, чтобы защитить его от других. Иначе при первой возможности остальные повесили бы педофила на ближайшем светильнике. Но надзиратели ненавидели Брэдли так же сильно, как и другие заключенные – он находился в предварительном заключении по семнадцати обвинениям в сексуальном насилии над детьми, в том числе над своими собственными, – и они делали всё, чтобы превратить жизнь насильника в ад. Как-то раз я видел, как один верзила с татуировкой змеи на лице выбивал из педофила душу, а охранники просто смотрели в сторону. Первый же удар наверняка сломал Брэдли нос. Он жевал собственную кровь, сопли и хрящи и, мать его, выл от боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.